

Помните «застойный» анекдот? В XXI веке учитель истории объясняет ученикам: «Брежнев — второстепенный государственный деятель времен Сахарова и Солженицына...». В годы перестройки над этим анекдотом уже не смеялись. Так сказать, сказка делалась былью. Сахаров высступал в парламенте, хоть и под улюлюканье части зала. «Архипелаг ГУЛАГ» печатали в «Новом мире» — правда, после упорного сопротивления церковских идеологов.

Но истина «Нет пророка в своем Отечестве» остается в России едва ли не самой неизысканной. И теперешнее отношение к Солженицыну — первое тому подтверждение. Каких только критических стрел в Александра Исаевича не выпустили в последнее время! Причем зачастую отравленных ядовитой иронией. А как быстро, не моргнув глазом, съели его телепередачу!

Между прочим, в годы того самого, богатого анекдотами, застое к литературным патриархам относились куда уважительнее. (Достаточно вспомнить телециклы Ираклия Андronикова и Виктора Шкловского, даже на ТВ понимали ценность таких «говорящих голов» и хотели запечатлеть для истории не только Пугачеву с Кобзоном.)

Сейчас, похоже, власть (в том числе и четвертую) имущим не нужны никакие национальные авторитеты. Хватает воровских? А может быть, просвещение народа по части родной истории пугает власть — пусть уж лучше просвещается в физиологии? Как бы то ни было, Солженицына сделали чуть ли не маргиналом общественной жизни.

Чего-чего, а этого в годы перестройки представить было невозможно.

«Зачем нам печатать Солженицына, — плаксивым голосом говорил перестроенный редактор «Огонька» Коротич, — он ждет только белого коня, чтобы въехать на нем в Москву, а когда въедет, мы же и будем у него на конюшне сапоги чистить!» (Почему сапоги придется чистить именно на конюшне, остается для меня загадкой по сей день.)

В коротичевском «Огоньке» я заведовал отделом литературы, который прозвали «политотделом». Время было интересное: гласность подрастала буквально на глазах, но казалось, что без твоего лично участия это теплолюбивое растение не выживет...

И вот наконец, судя по тому, что уже было обнародовано, гласность вплотную подошла к «Архипелаг ГУЛАГ». «Новый мир» его анонсировал. Но тогдашний идеолог партии Вадим Медведев заявил, что Солженицын в СССР будет печататься только через его, Медведева, труп. (В сущности, так оно и случилось — только труп оказался, к счастью, политическим.)

Довести г-на Медведева до состояния полного покоя показалось нашему «политотделу» делом благородным. И мы придумали не очень благозвучную, но важную рубрику «Из запасников русской прозы XX века» и предложили вести ее Бенедику Сарнову, который для начала опубликовал под ней замечательный неизвестный рассказ Горького, потом прекрасную «неутопическую» прозу Замятину... На очереди был Солженицын. Вот тут-то Коротич и произнес свою жалобную речь о белом коне и сапогах. Но отдал ему должное: как редактор он отличался не столько убежденностью, сколько убеждаемостью, гибкостью и чуткостью.

В общем, один из лучших, по-моему, рассказов Солжени-

цына «Матренин двор», предтеча всей «деревенской прозы», что называется, стоял в полосах... Увы, цензура, по словам Коротича, его сняла. «Вот видите! Опять вы меня подставили», — нежно упрекал он.

Но время уже было такое, когда в государственнойтурбине статор не знал о том, что делает ротор. Не прошло и месяца после первой попытки с «Матрениным двором», как ЦК подставил указ о том, что в СССР можно перепечатывать все, что на территории СССР раньше публиковалось. (Это сейчас кажется почти абсурдом, а по тем временам документ был прямо революционным.) Между тем «Матренин двор» при Хрущеве печатался. Мы снова пошли к Коротичу... И вот имя Солженицына впервые за многие годы появилось в советской печати не в ругательной статье, а над литературным произведением. А вскоре «Новый мир» распечатал и книгу — настоящий гражданская подвиг писателя — «Архипелаг ГУЛАГ». Надеюсь, что огоньковская авантюра этому помогла: если можно печатать Солженицына вообщем, то почему нельзя его главное «антропикультоное» произведение: что, опять сменилась линия партии?

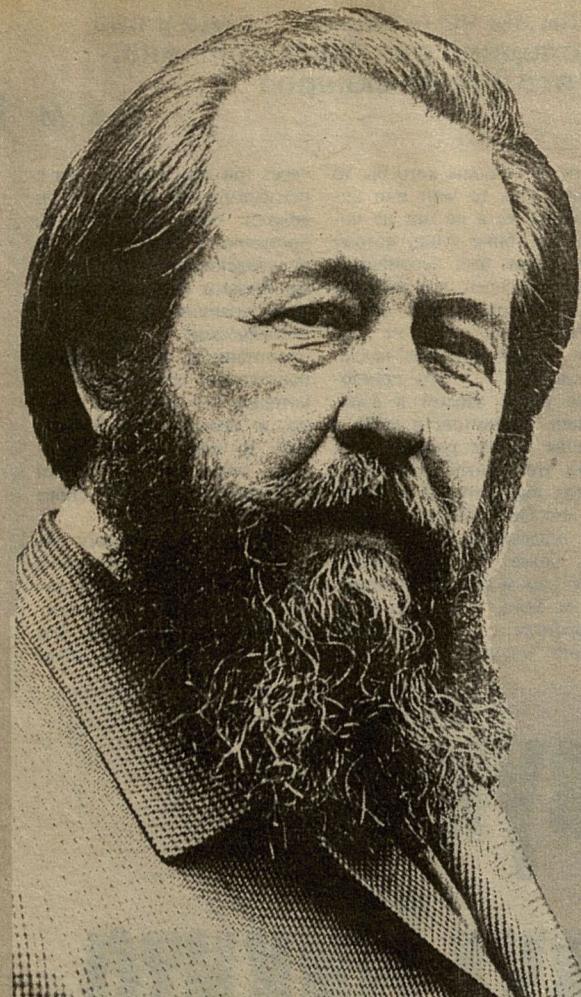
Понимаю, нам просто повезло оказаться в нужное время в нужном месте и благодаря этому поучаствовать в первой после опалы публикации Солженицына в Советском Союзе. А то, что весь сыр-бор разгорелся вокруг рассказа, который при той же советской власти печатался, — так уж такая это была власть. Не грех вспомнить под старый Новый год, из чего мы все-таки с гремом пополам вылезли (а про то, во что после этого вляпались, читайте в следующих номерах газеты).

Что же касается отношения к Солженицыну некоторой части нашей либеральной интеллигенции, вряд ли оно должно заботить Александра Исаевича, скорее уж самих либералов. Для демократизации народного сознания он сделал больше, чем любой митинговавший «демократ». А если говорить о степени изящности его словесности... Ну, конечно, Бунин — по руке — писал лучше Толстого, не зря же все хотели переписать «Войну и мир»...

В своем последнем, предсмертном письме Лидии Корнеевне Чуковской один из умнейших людей, которых мне посчастливилось знать, Давид Самойлов признается, что стал часто думать о Солженицыне и убедился, что недооценивал его идеи, а путь России — в синтезе идей Сахарова и Солженицына. Может быть, стоит прислушаться к поэту? Так же, как все-таки прочитать прозаика?

Кстати, помните удивительную советскую формулу, выведенную именно под Солженицына: «Я, конечно, не читал, но скажу...» Для тех, кто уже забыл или по молодости не знает: именно так начинали свои выступления «простые советские люди» на многочисленных собраниях, осуждавших «писателя-отщепенца» перед выдворением его из России. Так его провожала родина, не прочитав и не высушав...

А чужбина Солженицына услышала. И сегодня мы впервые публикуем речь, пронесенную им сразу после приезда в Вермонт (США) на постоянное место жительства. К счастью, Солженицын получил возможность вернуться и воспользоваться этой возможностью. Потому было и его

Александр СОЛЖЕНИЦЫН:

ПУТЕШЕСТВИЕ

Шведской королевской академии

12 апреля 1972 г.

Поздравление Генриху Беллю

31 мая 1982 г.

Дорогой Генрих!

Мои теплые пожелания к Вашему 65-летию! Прежде всего — здоровье и здоровье! А затем — чтобы возраст и дальше не были для Вас помехой так же свежо и остро воспринимать и передавать жизнь родной страны и ее языка.

Мы с Вами почти ровесники. Но, и кроме того, наше с Вами положение сходно в том, что оба мы, хотя и по-разному, потеряли свою родину: я лишен ее, потому что изгнан, а Россия — смертельно больна, неизвестно обезображен; вы

— потому что Германия разорвана надвое и потеряла себя в обеих частях. Две ужасные войны между нашими странами — надолго подорвали, заставили и опрокинули навзничь оба народа. И обоим — маячит долгое выздоровление, еще в одном ли столетии?

На исходе нашего жизненного срока и сил — как помочь этому длительному выздоровлению своей страны? Одна из лучших надежд — становление и расцвет национального языка вопреки нивелирующему катку века.

Будем работать хотя бы в этом.

Сердечно Вас обнимаю.

Ваш Александр Солженицын

(Публикуется впервые)

Многоуважаемые господа!

Я осмеливаюсь писать это письмо лишь потому, что, по моим сведениям, бывшие нобелевские лауреаты имеют право выдвижения кандидатов на текущий год и выдвижение начиная с февраля. Если я такого права не имею, прошу простить меня и считать мое письмо недействительным.

Как сказал г-н К. Гиро в речи при несостоявшемся вручении мне нобелевских знаков, Нобелевская премия не есть акт вежливости по отношению к какой-либо стране. Беру на себя смелость более широко понять и истолковать так: не есть акт вежливости или очередности по отношению к национальным литературам или к художественным или идеологическим направлениям. Поэтому я не поддамся национальному эгоизму и не буду аргументировать тем, что русская литература представлена в нобелевских лауреатах непропорционально мало своему истинному мировому весу.

Но, именно основываясь на правильной и широкой точке зрения г-на Гиро, а вероятно, и других членов Академии, я обращаюсь к вам с просьбой не поддаться рутине «очередности» ни в национальном отношении, ни в лично-биографическом, ни в каком-либо ином. Именно эти соображения могли бы помешать вам в 1972 году объективно рассмотреть кандидатуру Владимира Владимировича Набокова — из-за того, что лишь два года назад вашей премии удостоен русский и лишь три года назад — писатель сходной двуязыковой судьбы, пролившийся даже главным образом не в своей родной литературе.

Я не буду пристранно аргументировать и высказать о В. Набокове только свое личное мнение. Это писатель ослепительного литературного дарования, именно такого, которое мы зовем гениальностью. Он достиг вершин в тончайших психологических наблюдениях, в изощренной игре языка (двух выдающихся языков мира!), в блестательной композиции. Он совершенно своеобразен, узнается с одного абзаца — признак истинной яркости, неповторимости таланта. В развитой литературе XX века он занимает особое, высокое и несравнимое положение.

Всего этого, мне кажется, с избытком достаточно, чтобы присудить В. В. Набокову Нобелевскую премию по литературе и поспешить с этим актом в 1972 году, так как автору столько же лет, сколько и нашему веку. Обиднее всего бывает осознать с опозданием неправильность ошибки.

Присуждение премии Набокову, по моему уверенному убеждению, укрепит и возвысит сам институт Нобелевских премий.

С самим глубоким уважением к вашему литературному суду ваш А. Солженицын

